

Часть 8: Инстинкт метить территорию - основа выживания биологического вида.

Лью ЛиДжон убежал на работу. Одной рукой он одевался, другой - накрывал завтрак для двоих. Лью ШуШон в нижней рубашке спустился на кухню, босиком молча протопал к племяннику, прижался и похоронил голову у него на груди. У него был упадок сил.

(Лью ЛиДжон, положив щеку на взлохмаченную макушку любовника:) - Вот так вот мы себя теперь ведем, да? Обнимаемся и прижимаемся?

Лью ШуШон затряс головой, истово соглашаясь.

Лью ЛиДжон вздохнул и крепко стиснул его в руках. При этом у него, естественно, натянулись искушенные мышцы по бокам и на спине, он сморщил нос от боли и засмеялся. Он подумал, что поцелуи остаются только в памяти, а самый верный залог любви - боль и отметины от зубов. Их хватает надолго.

Дверь потрясли, потом без спроса открыли снаружи. Лью ШуШон никак не реагировал, продолжая прятаться на широкой груди бойфренда. Вошедшая Дин ЭммиЛи сделала возмущенные глаза.

(Лью ЛиДжон, ласково обращается к черной макушке у себя под подбородком:) - Тебе не интересно, кто пришел? Не будешь смотреть?

(Лью ЛиДжон, сестре:) - (мимикой показывает, что она не вовремя)

(Лью ЛиДжон, Лью ШуШону) - А это, между прочим, зам председателя городского совета, господин Фу ЛеФань. Он стоит охуевший и смотрит на господина Лью-старшего. Который щупается с господином Лью-младшим.

(Лью ШуШон, упрямо, не желая поворачиваться:) - Пускай уходит. Прогони его!

Конечно, Лью ШуШон понимал, что пришла ЭммиЛи.

(Лью ЛиДжон, сестре:) - Видишь, у нас какое настроение. Мы капризничаем.

(ЭммиЛи, возмущенно фыркает:) - Вы оба совсем с ума сошли. Обнимаются при всех.

Лью ШуШон отлепился, наконец, от Лью ЛиДжона, виновато посмотрел на племянницу и побрел к плите за яичницей.

(ЭммиЛи, строгим голосом:) - Я сейчас уйду. Но я потом приду! Я еще с вами поговорю про то,

чем вы моих детей накормили, что у них теперь красные щечки!..

Голос у нее осекся и Лью ЛиДжон, наклонившийся над столом, повернулся посмотреть на старшую сестру. Ее глаза, огромные от ужаса, замерли на его наполовину оголившемся из-под незавязанной рубашки плече. Там наливались фиолетовым пара укусов и синяк. Злорадный взгляд младшего брата сказал ей "Не твое дело. Все равно не поймешь." Дин ЭммиЛи в смятении чувств вышла от родственников.

Поняла ли он что-нибудь, трудно было сказать, но той же ночью маленькие Дины, бабушка и прислуга были разбужены громким криком из хозяйской спальни. Хозяин дома, старший научный сотрудник господин Дин, разбужен не был, потому что он сам и кричал.

- Ты зачем это сделала? - сердитым шепотом спросил жену Дин ДэнНи, держась рукой за болезненное место на шее. Жена молча глядела на него расширенными кошачьими глазами, как будто впервые увидела.

Коллеги на кафедре заметили и были в ужасе. "Не ваше дело, все равно не поймете," - ответил им Дин ДэнНи надменным взглядом.

Реакция сестры позабавила Лью ЛиДжона, он посмотрел ей вслед, прищурясь, а потом заторопился в порт.

Игра была опасной, но, видно, событий прошедшей ночи не хватило, чтобы вправить мозги неугомонному Лью ЛиДжону.

Пробежав по пристани к "Андромеде Охотнице", на ходу раздавая указания своим грузчикам, Лью ЛиДжон заглянул на палубу. Феогнида видно не было, зато у борта, облокотившись о него, задумчиво стоял бригадир Суит Пай.

(Лью ЛиДжон, удивившись:) - Ты домой так и не ушел, что ли?

- Не могу, - ответил лысый грузчик. В голосе его звучала меланхолия. - Я учу греческий язык.

"Учить греческий язык" во всем, что касалось Феогнида, звучало для Лью ЛиДжона двусмысленно.

- А ты греческий учишь вдвоем с этим купцом или по самоучителю? - тактично поинтересовался он.

- Почему вдвоем? - не понял Суит Пай. - Нас там много. Человек... двести.

Видимо, вчерашний дурман не совсем выветрился...

(Лью ЛиДжон, с неподдельным интересом:) - А вы как учите: словами или что-то... делаете?

(Суит Пай:) - Не словами... сразу предложениями. Нам грек говорит, а мы повторяем. Сейчас... Черт, помнил же минуту назад! "Бьес эксо!*" Ты знаешь, сколько раз он сказал, пока мы запомнили? Голос сорвал! Мне кажется, он патриот своей культуры.

* Бьес эксо (греч.) - Пошли все вон!

Лью ЛиДжон представил, как патриот своей культуры Феогнид бегаёт по кораблю и орёт пьяным горожанам "Пошли вон", а они кивают и повторяют "Пошли вон, пошли вон", - и просят повторить по слогам. У него потеплело на душе.

(Лью ЛиДжон, с надеждой:) - А он не говорил вам что-нибудь вроде "Бастарби... сас мисо олус"?

(Суит Пай, вдумчиво:) - Кажется, что-то такое припоминаю... Вот это "бастарби" точно говорил. Бастарби... Надо запомнить.

(Лью ЛиДжон, одобрительно:) - Похоже, вы с ним крепко подружились.

* Бастарби. Сас мисо олус (греч.) - Сволочи, я вас всех ненавижу!

(Суит Пай:) - А ты не хочешь учить греческий?

(Лью ЛиДжон, поперхнувшись:) - Спасибо. Я уже выучил.

(Суит Пай, обрадованный:) - Тогда ты, наверно, знаешь, что это значит?

(Лью Лиджон:) - Это вроде приветствия, "Как хорошо вас видеть".

(Суит Пай, удовлетворенный:) - Я так и думал.

(Лью Лиджон:) - Хочешь тоже сказать ему что-нибудь приятное? Скажи ему "Фа памэ стин Эллада*".

* Фа памэ стин Эллада. (греч.) - Мы все поедem в Грецию.

(Суит Пай, учит, старательно шепчет:) - Фа памэ стин Эллада. Фа памэ стин Эллада.

(Лью Лиджон:) - Это про Грецию, какая хорошая страна.

(Суит Пай:) - Ага. (оборачивается назад) Эй!.. (снова поворачивается к Лью Лиджону, свешивается к нему через борт и спрашивает) Как его зовут?

(Лью Лиджон:) - Феогнид.

(Суит Пай, кричит:) - Эй, Феогнид! Мы все поедem в Грецию!

(Лью Лиджон, вытягивается, пытается увидеть, что происходит на борту:) - Ну как? Обрадовался?

(Суит Пай, с сомнением:) - По-моему, он плачет. Соскучился, наверно, по родине. Чувствительный мужик.

(Лью Лиджон:) - Тогда подбодри его. Греки очень любят обниматься. Пойди обними его и скажи "фисаврос му*".

* фисаврос му (греч.) - мое сокровище

Не успел Лью ЛиДжон досчитать до пяти, как несчастный Феогнид, как Авия, муза быстрого полета, выскочил со своего корабля, испуганный и заплаканный.

Если бы на него смотрел кто-то кроме Лью ЛиДжона, которому страдания грека были по хую, он бы его, конечно, пожалел.

Увидев Лью ЛиДжона, греческий гость готов был убежать обратно на корабль. Он попятился в растерянности. Почему-то на ум греку пришел образ безмозглой певчей иволги, вырвавшейся из пасти богомола, чтобы угодить прямо в зубы плотоядной цикаде. Или как у них тут говорится... В голове у него был полный бардак.

- Феогнид! - приветливо сказал ему Лью ЛиДжон. - Феогнид... Ах, Феогнид, Феогнид. Друг мой! О филос му!.. Ты на меня не сердишься?

Лью ЛиДжон улыбнулся филосо светлой улыбкой, говорившей о радости встречи и полном отсутствии совести. В глазах у него стояли слезы (потому что за минуту до этого он чуть не обоссался от смеха).

Нет, этот простолюдин с его детской душой не был потерян для доброты и счастья. Ну и что же, что позавчера он чуть было не спустил своего друга пинком с горы, а вчера оставил его стоять полночи на морозе? Разве можно было помнить о таких пошлых подробностях, глядя в эти искренние глаза?

- Блэпэпэ афто то спити? Видишь тот дом? - Лью ЛиДжон указал на виллу с галереями, видневшуюся сквозь деревья высоко на горе. - Приходи туда!

Феогнид помедлил. Он теперь почему-то немного боялся Лью ЛиДжона.

- Я тебе нравлюсь? Су арэсо? - с обезоруживающей откровенностью спросил его молодой яфетец.

Неужели надо было еще спрашивать? Лью ЛиДжон уже видел ответ на лице собеседника и светился, как трепетный солнечный лучик в осенний день. Его нельзя было не любить.

(Лью ЛиДжон:) - Двенадцать тейлов серебра.

(Феогнид:) - ???!!!

Какого Эроса?! За эти деньги можно было купить весь их вонючий городишко. Этот простодушный нищий парень, однако, не дешевит!

"Конечно, ты заплатишь, мудака, - думал Лью ЛиДжон, с удовольствием любуясь охреневшим

собеседником. - Тебя прокинули два раза, тебе же надо получить возможность отыгаться, мелкое создание."

Феогнид, к сожалению, не понимал, что играет не в своей лиге. Нащупывать пределы сопротивления противника и дергать за веревочки было для Лью ЛиДжона так же естественно, как дышать или притворяться пьяным в десять лет, чтобы полюбоваться на реакцию дяди, как он мучается.

Если бы владельцем "Артемиды" был Лью ЛиДжон, он бы давно продал финикийское вино за ту самую несусветную цену, которую просил Феогнид, сплавал туда-сюда и толкнул бы еще партию.

Двое мужчин прошли по узкой лесной аллее.

- Это дом твоего хозяина? Кириос су? - с уважением спросил Феогнид.

- Да, моего хозяина. Кириос му, - с невинным видом ответил Лью ЛиДжон.

("Только он сам еще об этом не знает. И у нас впереди еще война, потому что ШуШон, как улитка из старого домика, переезжать, конечно, не захочет.")

"Я прибегу с работы, - думал Лью ЛиДжон, - и увижу его, как он возится на кухне. Жарит куриные сердечки." В новой кухне была длинная плита вдоль одной стены, которую подогревали три низкие печи. "Я подойду сзади и скажу ему грубым голосом: Хозяин, поесть чего-нибудь найдется?"

Лью ЛиДжон улыбнулся своим мыслям. Он выглядел в этот момент таким мечтательным и невинным, что у грека остановилось сердце. У него сердце замерло от счастья.

Ах, Феогнид, Феогнид. О филос му. Такой опытный мужчина, ты должен научиться лучше читать улыбки простых луйских парней.

Потому что улыбка простодушного ребенка, который вот-вот получит свою конфетку, - это совсем не то, что улыбка крокодила, у которого от природы уголки губ загнуты вверх. Говорят, что крокодил еще плачет искренними прозрачными слезами, когда глотает свою жертву. Какое чувствительное животное! Не то, что Лью ЛиДжон.

На территории жилого квадрата работали несколько плотников, кое-что доделывая в новом

жилище. Лью ЛиДжон крикнул им, что до обеда работа закончена, пускай позже приходят.

- А хозяин этой виллы где? - спросил Феогнид на всякий случай.

- Его нет. Он в другом месте, - сказал его молодой спутник, приглашая друга войти.

"Сидит наказанный," - добавил Лью ЛиДжон про себя.

Поднимаясь по широкой лестнице, он без смущения начал расстегивать на себе пояс. Скрип кожи и звяканье пряжек возбуждали второго мужчину, как будто Лью ЛиДжон у него на глазах снимал с себя не пояс, а трусы.

- Эхумэ лиго хроно. У нас мало времени, - предупредил молодой яфетец с сожалением.

В просторной пустой комнате, где единственным предметом мебели была роскошного размера кровать, яфетец без задержки легкими шагами прошел к балкону, развязывая свои рубахи. Он повернулся к Феогниду, и стало понятно, что море и небо были созданы богами только для того, чтобы на их фоне можно было любоваться этим стройным и молодым чудом природы*, солнцеликим и луноглазым.

Лью ЛиДжон распустил тесьму на вороте нижней рубашки, в разрезе обнажился глубокий каньон, разделявший выступающие мышцы на груди. На лице Феогнида застыла беспомощная улыбка, он облизнул пересохшие горячие губы. Лью ЛиДжон повел плечами и разрез белья раздвинулся ниже. В тени складок ткани, кажется, была видна темная полоска волос, ведущая в таинственные прекрасные области, куда истомленный желанием путник был готов уже ползти на коленях.

Молодой яфетец одарил его детской улыбкой и отвернулся, задумчиво глядя на гавань и корабли. Его рубашка повисла, распахнутая. Грек почувствовал укол ревности, потому что теперь весь город при желании и наличии подозрительной трубы мог наслаждаться видами, что открылись, наконец, в растворе рубахи, а ему досталась одетая спина.

Плавным движением Лью ЛиДжон спустил ткань с плеч и скинул с себя белье, оголившись полностью... Он поднял сцепленные сильные руки над головой и расправил все тело так, что изгибы мускулов заструились, перетекая друг в друга, словно морские волны. Феогнид увидел его заднюю часть во всей красе.

(Феогнид, у которого томный жар в теле за одну секунду превратился в могильный холод:) - Ти инэ афто?! Это что?!

- Ти? - невинно спросил Лью ЛиДжон, оборачиваясь. - Ты сам не знаешь? Ты же, кажется, говорил, что я у тебя не первый?

- Я о людях говорил! - нетвердым голосом воскликнул грек. - А это кто сделал?

Лью ШуШон действительно оставил впечатляющую картину на тыльной стороне бойфренда. Ссадины и синяки на Лью ЛиДжоне выглядели, как звездное небо в ясную тропическую ночь: они светились всеми оттенками фиолетового и желтого, сливались в солнечные системы и галактики, образовывали красивые созвездия.

Внимательный глаз мог бы найти здесь все знаки зодиака и узнать свой прогноз на следующую неделю. По этой звездной карте корабли могли вычислять свой путь в открытом океане. Некоторые синяки вспухли, словно Лью ШуШон научился впрыскивать яд из зубов. Среди округлых следов почему-то встречались треугольные, как от акулы.

Феогнид против воли нарисовал в уме автора представшего перед ним бодиарта: получилась Лернейская гидра с тремя головами по три ряда зубов в каждой.

(Лью ЛиДжон, со смиренным вздохом:) - А, это,.. Это ШоШо, опять сорвался. Ему бесполезно жаловаться... он себя не контролирует. Но я это в нем ценю. Знаешь, искренность. Пафос! Такие неприкрытые искренние чувства. И в любви, и в ненависти. Когда-нибудь он меня покалечит... или убьет. Фа мэ скатоси. Ему ничего не стоит.

Теперь он, голый, шел к греку, призывно улыбаясь.

(Лью ЛиДжон, вспомнил:) - Он про тебя спрашивал.

- Зачем? - испугался грек и сделал шаг назад.

Лью ЛиДжон равнодушно пожал плечами:

- Может быть, ты ему нравишься? Ту аресис! Или что-то подозревает... тогда мы оба уже покойники. Он уже в розыске за одно убийство. Долофония, понимаешь?

(Феогнид, в панике:) - Убийство?!

(Лью ЛиДжон, терпеливо объясняет, медленно и неотвратимо приближаясь, пока собеседник пятится от него:) - Я понимаю, что звучит не очень красиво, но ты не подумай ничего плохого, он не маньяк какой-нибудь, просто задушил родственника. Его бы оправдали,.. но ему приходится сейчас прятаться, потому что он в черном списке у Горных Внуков, он одного из их камрадов... гм, увез и отымел... (застенчиво) не справился с чувствами.

(Феогнид, впечатавшись спиной в угол и впервые в жизни пожалев, что не умеет ходить сквозь стены:) - У каких "внуков"?! У бандитов?! Долофония?! Листэс?!

(Лью Лиджон, усмехаясь при воспоминании пятилетней давности:) - Нет, у бандитов, это не в счет, там все равно из всей банды живыми остались один или два,.. не от кого уже прятаться. Я про горных братьев, про революционеров... эпанастиатикос... патриотэс, понимаешь, да?.. Послушай, это как-то странно: я тут голый, иду к тебе, а ты почему-то прячешься от меня... шустро так пробираешься по стенке в сторону двери... У нас же так мало времени!

(Феогнид, срывается на визг:) - Ми блисиазис! Не подходи ко мне!

В прекрасных очах Лью Лиджона засветились недоумение и обида. Он, в точности как дядя, сокрушенно свел бровки на переносице.

(Лью Лиджон, в горе и растерянности:) - Но... как же так? Феогнид, филос му...

(Феогнид, добравшись до двери и воспрянув:) - Молодой человек, держите себя в руках! Вам не удастся... не удастся сбить меня со стези добродетели и погрузить в пучину порока!

(Лью Лиджон, думает, несколько опешив от греческой метаморфозы:) - Ни хуя себе, он теперь у них что, - председатель общества моральных устоев? Какой же тогда у них председатель общества аморальных устоев, хотел бы я посмотреть!

(Лью Лиджон, разочарован:) - А мне так хотелось в пучину порока...

(Феогнид, дергая за спиной створку двери, которая, сука, никак не хотела открываться:) - Послушайте доброго совета старшего друга, заслуженного человека... (он начинал звучать, как дед Чжэн) э-э... юноша, дорожите... как это... дорожите своей молодостью... наивностью своей и чистотой... (Феогнид увлекся и всерьез задумался, какой еще совет можно дать подрастающему поколению, который пригодился бы на их нелегком жизненном пути)... не бегайте голышом при посторонних!..

(Лью Лиджон, упавшим голосом:) - Фа памэ стин Эллада? Мы разве не поедem в Грецию?

Из своего недолгого знакомства с простым луйским парнем, Феогнид вынес убеждение, что с прибытием Лью Лиджона в Грецию, Греции неминуемо настанет капец.

(Феогнид, наконец, выбегает из комнаты, на ходу:) - Да, да, обязательно. Я только съезжу приберусь там по-быстрому, чтобы все было на месте... Олимп, порт Пирей,.. полуостров Пелопоннес...

- Парфенон! - подсказал ему вдогонку Лью Лиджон. - Чтоб на месте был, иначе обижусь!

* Лью ШуШон тоже иногда называет племянника чудом природы. Точнее - природным бедствием и концом света.

=====

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697109>